

К вечеру небо окрасилось мягкими сумеречными оттенками. Оранжево-красный свет заката проникал через окна виллы.

Старый дворецкий пришёл доложить, что зелень в саду уже привели в порядок и Лу Чжияню нужно осмотреть результат, чтобы утвердить дальнейший план обновления участка.

Лу Чжиянь кивнул и слегка двинул рукой по подлокотнику. Колёса прошуршали по ковру — он собирался выехать.

У самой двери кабинета ему встретился Су Няньань с блюдом фруктов.

На нём лежали свежий виноград и клубника, только что вымытые слугами. Су Няньань держал блюдо двумя руками и шёл очень осторожно, боясь уронить или раскатать его.

Старый дворецкий сразу обратился к нему:

— Подойди. Помоги господину и сходи вместе с ним в сад.

Су Няньань поспешно поставил блюдо и быстрым шагом подошёл к Лу Чжияню. Сердце от волнения билось так сильно, что отдавалось в груди.

Он осторожно положил одну руку на гладкий прохладный деревянный подлокотник кресла. Вторую держал возле руки Лу Чжияня — не решаясь по-настоящему прикоснуться, но одновременно боясь, что тот может упасть. Поэтому всё предплечье оставалось напряжённым.

Су Няньань знал, что ноги Лу Чжияня не слушаются, и оттого был предельно осторожен. Двигался медленно и устойчиво, никуда не торопясь. Каждый шаг сначала мягко ставил носок, затем плавно переносил вес, боясь даже малейшего толчка кресла.

Лу Чжиянь сидел, изображая полную слабость ног и слегка откинувшись на спинку. На самом деле он незаметно напрягал мышцы ног и живота и, используя поддержку Су Няньаня, помогал движению кресла так искусно, что ничего нельзя было заметить.

Его ноги вовсе не были парализованы. Вся беспомощность была притворством, необходимым, чтобы окружающие окончательно поверили в его инвалидность.

От виллы до сада было недалеко. Дорогу вымостили ровными каменными плитами, между которыми местами пробивался тонкий мох. Но Су Няньань всё равно двигался с крайней осторожностью, не расслабляясь ни на секунду и краем глаза постоянно следя за колёсами — вдруг одно попадёт в щель.

Однако эта осторожность в глазах Лу Чжияня выглядела как неуклюжесть и медлительность.

После утреннего происшествия с феромонами Лу Чжиянь и без того был раздражён. Медленный темп Су Няньаня вскоре начал действовать ему на нервы. Лицо становилось всё мрачнее, брови сошлись, наружу невольно потянулся холод.

— Ты можешь быстрее? Копаешься и только отнимаешь время.

Холодный, нетерпеливый голос заставил Су Няньаня мгновенно напрячься. Рука на кресле дрогнула, пальцы побелели.

Он сразу ускорился, хотя всё равно не решался идти слишком быстро: боялся, что Лу Чжиянь потеряет равновесие. Пришлось одновременно торопиться и сохранять осторожность, делая шаги быстрее, но как можно ровнее.

— Про... простите. Я слишком медленно, — тихо извинился он, опуская голову. Голос был мягким и робким.

— Неуклюжий. Даже кресло нормально поддержать не можешь. Семья Су прислала тебя сюда только для того, чтобы раздражать меня?

В голосе Лу Чжияня звучало неприкрытое отвращение. Каждое слово больно врезалось в сердце Су Няньаня.

В груди стало горько, защипало в носу, но он не посмел возразить. Только молча ускорился и продолжил вести кресло.

Су Няньань чувствовал раздражение Лу Чжияня, ощущал его неприязнь к себе и поэтому каждый шаг делал словно по тонкому льду, с тяжело сжатым сердцем.

Лу Чжиянь тем временем незаметно помогал движению ногами и на самом деле почти не нуждался в усилиях Су Няньаня. Но нарочно изображал полную слабость, слегка сильнее переносил вес на кресло, позволял тому осторожно поддерживать себя и одновременно придирался к его неуклюжести.

Он прекрасно мог сам контролировать скорость и двигаться быстрее, но всё равно выплёскивал раздражение на Су Няньаня: его злила медлительность, неловкость, буквально всё, что тот делал.

Из-за постоянного напряжения руки Су Няньаня постепенно заболели. Мышцы предплечий свело, на лбу выступил мелкий пот, скатился по виску и намочил пряди волос. Но он не смел остановиться отдохнуть и не жаловался на усталость — лишь терпел и дальше вёл кресло.

Совсем короткая дорога заставила его напрячь всё тело. Ему было и страшно, и обидно, но оставалось молча выносить презрение и упрёки Лу Чжияня, даже дышать стараясь тише.

Наконец они добрались до сада. Вечерний ветер принёс запах травы и цветов. Су Няньань с облегчением остановил кресло. Руки ломило так сильно, что их почти невозможно было поднять, пальцы слегка онемели.

Он вытер пот со лба, коснувшись горячей кожи, и снова опустил голову, не решаясь взглянуть Лу Чжияню в лицо. Точь-в-точь ребёнок, который натворил что-то и ждёт наказания.

Лу Чжиянь скользнул по нему взглядом. Увидел покрасневшие руки и капли пота у висков. Жалости не возникло — лишь едва заметная неловкость, словно сердце на мгновение щекотнул тонкий волосок. Но уже в следующую секунду это ощущение исчезло под холодным равнодушием.

— Стой сбоку. Не мешай.

Су Няньань послушно ответил и отошёл в сторону. Голова по-прежнему опущена, руки висят вдоль тела, а тонкая фигура кажется такой хрупкой, будто её может унести одним порывом ветра.

<http://bllate.org/book/20587/2058868>